

Творчество
наших
друзей

*Хисаметдин
Исмагилов*

ЯВУРАЙ

157

ЭТО ЗНАКОМСТВО состоялось давно, ещё когда я сразу после учёбы в сельхозинституте начал работать в колхозе «Искра». Однажды председатель колхоза Габдельхак-абзый Кунафин вызвал меня к себе и говорит:

– Исмагилов, родной, поезжай-ка быстренько в Тетербаш и привези своего коллегу Егорова.

– Хорошо, но я ведь не знаю, где он живёт.

– Тебя ждёт там заведующий складом магазина Клавдий, спросишь у него, – коротко бросил начальник.

Лошадь у меня резвая. Работая ветеринарным врачом, выбрал самого лучшего колхозного коня. Не успел глазом моргнуть, как уже добрался до магазина чувашской деревни Тятербаш. Благо село это всего лишь в трёх километрах от села Турмай.

У магазина стояли несколько мужчин и женщин. Поздоровавшись, повернулся к женщинам:

– Мне нужна заведующая складом тётя Клавдия.

Они засмеялись, говорят между собой что-то по-чувашски, поглядывая на меня. Я удивляюсь,

рассказ

Хисаметдин Исмагилов родился (1953) в деревне Гулюм Мишкинского района Башкирской АССР. Обучался в начальной школе родной деревни, затем в школах сёл Эмир и Стерлибаш. Службу в Советской Армии проходил в Афганистане. Окончил зооветеринарный техникум и Башкирский сельскохозяйственный институт. Работал по своей выбранной профессии ветеринара на разных должностях.

В настоящее время живёт и работает в селе Турмай Стерлибашевского района.

Пишет на татарском языке. В Башкирском книжном издательстве «Китап» увидел свет сборник его повестей «Зимагурлар», в издательстве журнала «Казан утлары» вышла книга с его повестью «Никах»

не зная, что происходит. Или спросил не так, или имя перепутал? Среди сельчан выделил для себя немолодого мужчину, к которому чаще других обращались смеющиеся женщины. Подумал, что заведующим может быть как раз этот мужчина. Спрашиваю:

– Не вы ли будете заведующим складом?

Он не спешил с ответом, только головой кивнул:

– А ты, значит, наш новый ветдоктор?

– Да, – отвечаю.

– Тогда езжай, забери Явурая и приходи на склад, я там буду.

– А как ваше имя? – говорю.

– Имя моё Клавдий, родители так называли.

Я стал думать о Явурае: чувашские имена – или Николай, или Геннадий, или Александр или же любое другое русское имя, ведь они исповедывают православие. Позже узнал: тут есть чувашаи, которых зовут и Рашит, и Финур, и Еварис...

– Я же не знаю, где дом Явурая, – говорю заведующему складом.

– Спроси любого, покажут. Большие ворота, голубые ставни, дом с левой стороны улицы.

– Ладно, – сказал и уехал.

На улице Тятербаша я впервые. Еду вот так, ищу большие ворота, голубые ставни. А ворота тут, скажу я вам, большие все и красивые. Разрисованные, с прекрасной резьбой, глаз радуют. Ворота в моей деревне попроще. В этом же населённом пункте у каждого из ворот своё лицо, все они по-своему красивые. Словно вместо тех ворот стоят сами чувашские красавицы и зазывают в гости.

По-чувашски я не знаю ни слова, поэтому со встречной женщиной поздоровался по-русски, спросил про Егорова. Женщина молча посмотрела на меня и потом только, показывая, что не поняла вопроса, сказала:

– Урысча бельмим (по-русски не понимаю).

– Я перешёл на татарский:

– Где Егоров живёт?

– Вы татарин, оказывается, почему сразу по-татарски не спросили? – И добавила по-татарски с чувашским акцентом: – У нас Егоровых много, который вам нужен?

– Явурай Егоров, – говорю.

– Его дом вона, напротив. И сам вроде по двору ходит, – сказала она, показывая на большие ворота на другой стороне улицы. Потом быстро повернулась и зашагала по улице, поблагодарить её даже не успел.

Мужчина во дворе напротив то ли услышал наш разговор, то ли по другой причине сам вышел из ворот, как бы ремонтируя щеколду.

– Мне нужен был Явурай-абзый, его председатель вызывает, – говорю.

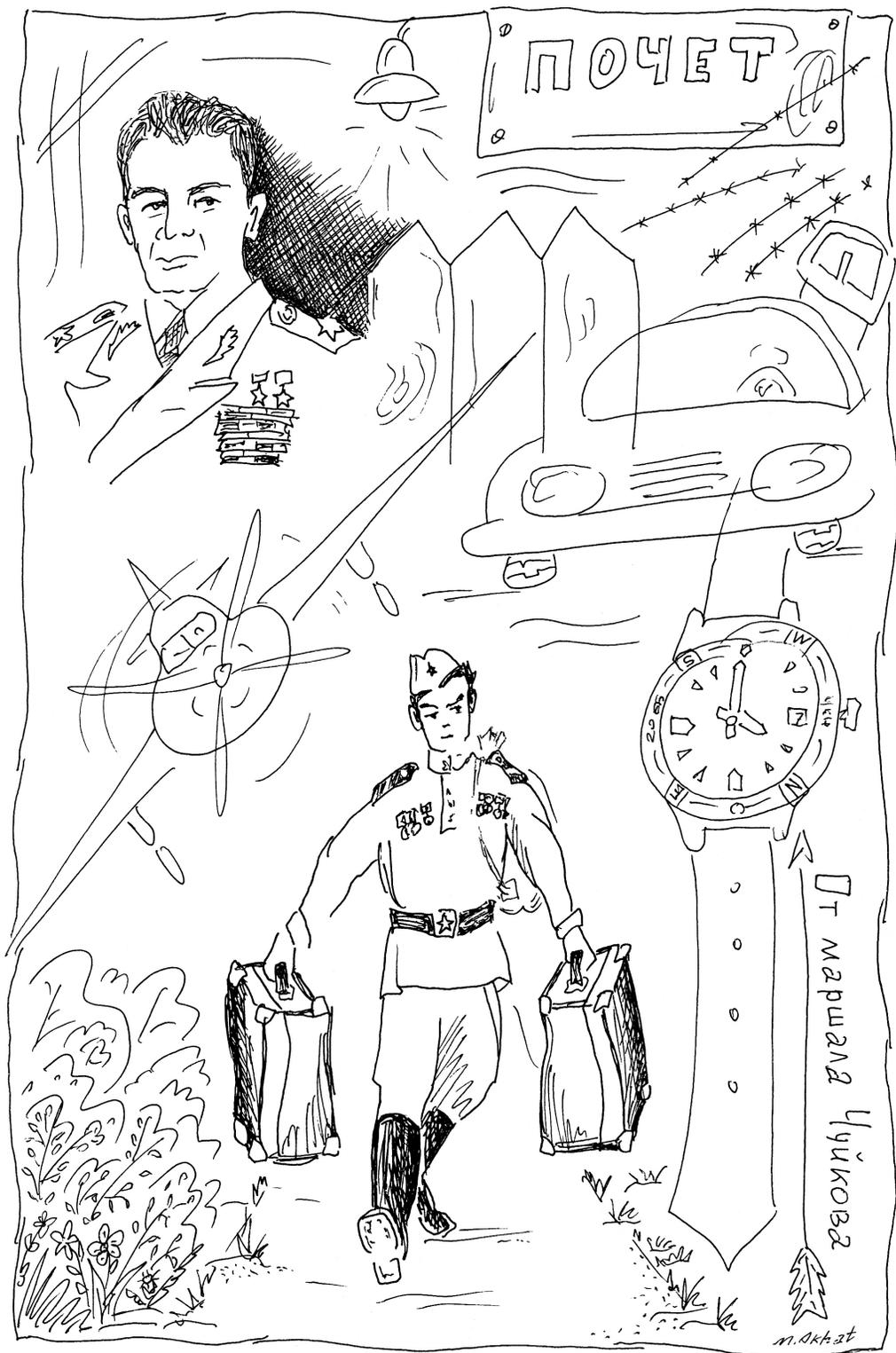
– Во-первых, здоровья тебе желаю, молодой человек, – начал говорить он громким, точнее говоря, командирским голосом. – Во-вторых, я не Явурай, а Еврей. В-третьих, я Егоров Андрей Михайлович. Ты же работник ветучастка в селе Тормай, – отдал мне он солдатски честь. – В районе я самый старший по возрасту, – сказал и долго жал мне руку. – Потом начал говорить по-татарски: – Ну, рассказывай, молодой человек...

От удивления я даже рот открыл. Потому что этот человек оказался давнишним знакомым, когда-то бывал у нас дома, в селе Гулюм, часто гостил у отца, не раз у нас и ночевал. С отцом они друг-друга называли свояками.

В последние годы, после того как наш большой колхоз разделили надвое, он перестал ходить к нам. Но и через много лет не изменился он, наш Энтри-абзый, оказывается, так же, как и прежде, любит задавать вопросы:

– Ты сам из каких краёв?

– Из села Гулюм.

– Где учился?

Я стараюсь давать обстоятельные ответы. А он всё спрашивает:

– А фамилия как?

После того как я назвал свою фамилию, абзый спросил:

– Ты сын Шарафи?

– Да, – говорю.

– А меня узнал?

– Узнал. Но я вас ведь знаю не как Явурая, вы для меня Энтри-абзый.

– Сказал же, не Энтри, не Явурай, а Еврей...

Вот так, повзрослев, ещё раз встретился я с Андреем Михайловичем Егоровым. Он попросил меня передать привет отцу. С удовольствием выполнил его просьбу. Отец не остался в долгу, постоянно спрашивал про него, привет передавал. А Энтри-абзый продолжал повторять:

– Как там поживает мой свояк?

Разные мысли порождали его слова: «Как же это он, чуваш, крещёный, может быть свояком моему отцу? Моя мама башкирка, отец татарин. Андрей-абзый и его жена, Вера-апа, – чуваша».

Так или иначе стали мы с ним работать в одном колхозе.

Начало лета. Скот выгнали на пастбище. Вдвоём мы делаем животине прививки. При сильной жаре отдыхаем. Солнце печёт, буйствует вокруг зелень. Одни лишь белые облака плывут куда-то по синему небу. В вышине поёт жаворонок. Одним словом – рай. Именно в это время задал я Андрею Михайловичу вопрос, который давно крутился в голове:

– Андрей Михайлович, почему вы зовёте моего отца свояком?

Лицо старика осветилось улыбкой:

– Твоя мать и моя жена Вера оба с Аургазинского района, из соседних сёл. Пили воду с одной реки, питались хлебом с одного поля. Вот поэтому и приходится твой отец мне свояком.

Настроение у него приподнятое, ве-

сёлое. Поэтому я счёл удобным задать ещё один вопрос:

– Энтри-абзый, почему тебя прозвали Явураем?

– Не раз тебе я уже говорил, что Еврей моё прозвище. Явураем прозвали пожилые. Потому-что чуваша производят некоторые слова по-своему, по-татарски слышится по-другому. Вон и тебя зовут у нас не Хисами, а Кичами. А прозвище Еврей ко мне прилепилось с подачи работников райкома, – сказал он, потемнев лицом. – Эх, сынок, какие времена пролетели надо мной, вспоминать не хочется!

Чтобы больше не бередить рану его воспоминаний, перевернулся я на другой бок, стал изучать облака, слушать пение жаворонка. Через некоторое время Андрей Михайлович заговорил своим хриплым голосом:

– С войны я возвратился лишь в 1947 году. Некоторое время пришлось служить в Германии. Кормили нас, солдат, и содержали очень даже неплохо. Домой я вернулся в новой офицерской гимнастёрке, в яловых сапогах, в хромовом пальто, с двумя чемоданами, забитыми различным добром. Хотел удивить односельчан, получилось совсем другое. Удивила меня нищета деревни. Немецкие сёла, по сравнению с нашими, как земля и небо. Когда я на тарантасе въехал в село, попрятались не только взрослые, но и дети. В селе тишина, заметил, что из-за занавесок на окнах, из щелей в заборах меня изучали десятки глаз. Потом узнал: они меня приняли за налогового инспектора, приехавшего из Стерлитамака. Захожу в избу, там только больная мать и сестрёнка в тряпье. Оказывается, волк задрал последнюю козу, обвинили в этом отца и отправили в Сибирь.

Несколько минут Андрей Михайлович сидел молча, опустив голову, затем продолжил свой рассказ:

– На войне меня контузило два раза,

несколько раз был ранен. В Германии ухудшилось здоровье. Иначе остался бы там служить. А так меня демобилизовали. Стал работать в колхозе. Учитываемая контузии, вскоре поставили меня на должность заведующего клубом. Отремонтировал свой дом, на столе появился хлеб, в закромах мука, купил и вырастил телка. Когда в школу учить детей приехала новая учительница Вера, познакомился с ней, вскоре расписались. Но на мою будущую жену заглядывался, оказывается, колхозный бригадир, начал он строчить на меня жалобу за жалобой. Из-за репрессивного отца меня называли врагом народа и уволили с работы.

Откуда же это я враг народа? Вся грудь в орденах и медалях. Сталин же сам говорил, что дети за родителей не отвечают. Направился я в райком, там те же разговоры. Вызывали жену. Напугали: «Зачем вышла замуж за врага народа? Разведись. Иначе уволим с работы. Нет у тебя права учить детей социализма».

Очень меня это обидело. Выйдя из райкома, дал себе слово найти правду. Тогда и начались мои хлопоты. Оттуда справка, отсюда справка, собираю подлиси, несколько раз съездил в Уфу, столицу республики. Дело не продвигается. «Ты сын врага народа, – говорят. – Будешь продолжать правду искать, пойдёшь по стопам отца».

Из-за того, что ничего не получилось в Уфе, собрался в Москву: «Пусть будет то, что будет», – думал. Доехал до столицы. Расспрашиваю: как добраться до Кремля, как попасть к Сталину? Ночевал на вокзале, через месяц меня забрали в отделение милиции. Отняли все документы. Показываю медали, ордена, они интересуются:

– Это за что вручили, а это за что?

Я подробно рассказываю. Хорошим человеком оказался допросчик. Понял меня. Оказывается, тоже фронтовик.

Внимательно выслушал, чаем напоил, объяснил, как до Кремля дойти и как получить пропуск. «До Сталина ты вряд ли доберёшься, – говорит, – но постарайся добиться встречи с Руденко, это главный прокурор нашей страны».

После долгих мытарств всё же удалось получить пропуск к Руденко. До того, как вручить этот документ, посоветовали сходить в баню. Ночуя на вокзалах, я набрался, значит, немало неприятных запахов. Боялись, видно, что занесу в Кремль болезней и заразы.

После бани пришлось купить новую одежду и обувь. Затем в отдельном кабинете обучали, как говорить с Руденко.

Немного погодя меня допустили к помощнику Руденко. Он мне сразу не понравился. Кричать не кричал, но замучил вопросами вроде: «Почему в эту страдную пору для колхоза ты не на покосе. Или тебе колхоз и наша страна не нужны? Только о себе думаешь».

Как раз в это время в комнату вошёл человек в прокурорской форме. Отпустил помощника и начал на равных говорить со мной. Расспросил об орденах и медалях, о службе. Я подробно рассказал.

– Иди домой, – сказал напоследок. – Восстановят тебя на работе,.

Обрадованный, вернулся в Башкирию. Потом узнал, что это был сам Генеральный прокурор СССР Роман Руденко. По возвращении на другой же день меня вызвали в райком. Стали воспитывать: «Зачем поехал в Москву? Кто тебя звал? Позоришь район! Через неделю на бюро рассмотрим твоё дело. Следа твоего в партии не будет!»

– Не вы принимали меня! – Сам не заметил, как начал кричать на них. – На фронте, после тяжёлой битвы вступил я в партию. Кровью заслужил. Не пугайте меня. В Москве я был у прокурора Руденко. Роман Андреевич чаем напоил, просил приехать через год. В следующий раз всё ему расскажу про безобра-

зия в районе, если и далее будете так себя вести, – выдохнул я, чуть приврав для убедительности. Понял, что без этого они от меня не отстанут, не дадут спокойно жить. Не говоря больше ни слова, повернулся и вышел. Девушка-секретарь из приёмной догнала меня на крыльце, вручила приказ о восстановлении на работе. И я опять стал трудиться заведующим клубом.

Спустя немного времени получил письмо из Сибири, из лагеря «Почёт»: «Приезжайте за отцом, сам не доберётся». Но как туда добраться? Зима. Дорог нет, пришлось ехать и на собаках. Три дня добирался. Около десятка длинных барачков окружены забором из колючей проволоки. На вышках часовые. Зашёл в канцелярию. Приняли меня радушно. Догадался, что вызов был неспроста. Не иначе, интересовались моим отцом из Москвы.

Отца моего, Михаила Егорова, освободили, оказывается, ещё в 1949 году. Жил в посёлке для освобождённых недалеко от лагеря на свободном поселении, в маленьком домике. Держал пчёл, имел корову, картошку сажал. Домой возвращаться, как сам потом признался, боялся, чтобы не было последствий для семьи. Но три месяца назад неожиданно заболел, слёг в параличе. Привезли его в лагерь, положили в лазарет.

Сразу и не узнал я близкого человека. Остались от него кожа да кости. Разговаривает еле-еле. «Спасибо, сынок, спасибо», – только и разобрал я. Отца после моего приезда поместили в отдельную палату. Выхожу на улицу, вижу ещё одно чудо, всех заключённых выстроили на плацу крестом лазаретом:

– Смирно! Равнение на фронтовика товарища Егорова! – закричал офицер, увидев меня. Заключённые чествовали меня троекратным «ура»! Я, как полагаются, по-военному приложил руку к шапке. А офицер шепчет мне на ухо:

– Не надо отдавать им честь, это же враги народа.

В лагере в этот день объявили выходной день. Везде красные флаги, лозунги. Вечером в клубе силами заключённых дан был концерт. Кто это организовал, по чьему указанию, не знаю, всё же думаю, что помогли слова об отце, рассказанные когда-то мною Генеральному прокурору.

На другой день здоровье отца улучшилось. Но сразу же выехать домой не получилось. Январь, стоят морозы. Поэтому мы некоторое время жили с отцом в его маленьком доме в посёлке. Но порядочно надоело, домой хочется. Но как? Когда сидел в избе и думал об этом, взор упал на именные часы, подаренные перед демобилизацией командующим группы советских войск в Германии, дважды Героем Советского Союза, маршалом Василием Ивановичем Чуйковым. Подарил не мне одному, а и демобилизующимся несколькими офицерам своего штаба, оказавшим ему большую услугу.

– В часах есть тайный шифр. Никому его не показывайте. Но когда попадёте в большую беду, позвоните по шифру, помогут, – объяснил нам тогда полковник – адъютант маршала.

Вспомнив про это, направился в лагерь и говорю его начальнику:

– Мне надо срочно позвонить в Москву.

Не сразу и не с первого раза, но всё же удалось дозвониться. Я назвал себя и говорю:

– В Красноярском крае, в Канском районе, в посёлке Почёт лежит мой больной отец. Помогите доставить его домой, в Башкирию.

По правде сказать, и ждать перестал, сидим однажды вдвоём с отцом в домике, прибегает солдат:

– Зовёт начальник лагеря. За тобой из Москвы сам Сталин самолёт прислал.

Я в толк не возьму, поверить этой вести или нет? Начальник лагеря встретил меня с улыбкой:

– Вот тебе и чуваш!

Лётчиков накормили, уложили отдыхать. Я полон радости, про себя не устаю благодарить любимого маршала. За ночь несколько раз навещал самолёт, стоял и гладил величественно стоящую в тундре технику.

На другой день нас провожали всем лагерем, пришли гости из соседнего лагеря и посёлка. Кричат, радуются, кто-то явился с баяном – поют, пляшут, частушками потчуют. Не мы с отцом, а как будто они уезжают.

Ко мне подошёл один китаец:

– Товарищ Егоров, возьмите меня с собой до города Канска. Отсидел я давно, а домой ехать не имею возможности.

– Нет же места в самолёте, – говорю ему.

– Вы только разрешите, я готов на крыле лететь, могу за лыжи уцепиться, – умоляет меня.

– Холодно же, замёрзнешь.

– Согласен. Если даже умру, не пожалею. Только бы отсюда вырваться, – говорит он мне и протягивает маленький мешочек:

– Золото здесь. Только заберите с собой.

Я вернул ему мешочек. Он в голос рыдает, становится на колени, обнимает мои ноги.

Поднялись в воздух, провожающие остались внизу. Китаец долго бежал за самолётом. Через два часа были в Красноярске. Спасибо Василию Ивановичу Чуйкову, для нас на поезд и билеты забронировал.

Через неделю после возвращения домой меня вызвали в райком. Испугался, думал опять за меня возмутся. Нет, оказывается, на бюро мне поручили руководить колхозом.

Поначалу отказался. А они мне:

– Ты коммунист, если сумел вызвать отца из Сибири, колхозом руководить тем более сможешь. Ты как еврей, обязательно своего добьёшься.

Вот с тех пор и прилипло ко мне прозвище «Еврей». Местные её по своему произносят. Отец после возвращения ещё год жил, до самой смерти меня благодарил.

Старик притих. Я задумался. Действительно, на этом свете нет сильнее воли человека. За родных, за Родину он готов сотворить чудо.

Равнина вся зеленью залита. Солнце печёт. В вышине слышатся трели утренней птицы. Одним словом, жизнь – это рай, но пока это поймёшь, надо, видно, пройти ад, претерпеть беды и нужду, слёзы и страдания.

*Перевёл с татарского
Евгений Турхан*

